

Мария Мельникова

КРЕСТНЫЙ ХОД НАД НЕВОЙ

Мария Александровна Мельникова

Крестный ход над Невой

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64177062

Крестный ход над Невой: Сатишь; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-7868-0151-5

Аннотация

Книга глубоко и проникновенно рассказывает о большой трагедии нашей истории – о сталинских репрессиях 1930-х годов и о подвиге мученичества.

Художественный сюжет повести переплетается с житиями Петербургских Новомучеников, повествует о крестном пути, который каждый из них, подобно Христу, прошёл от места судилища в Большом доме на Литейном проспекте до своей голгофы в тюрьме «Кресты».

Но, несмотря на всю трагичность и пронзительность темы, повесть «Крестный ход над Невой» – не о пытках и смерти, но о любви и святости, не о стенке как финале человеческой жизни, а о распахнутых воротах в Царство Божие и нашей надежде на спасение.

Самый непроглядный мрак не может поглотить даже крошечный огонёк веры. Несмотря ни на что, он будет продолжать светиться во тьме. Гасит свет в себе, в своей душе, только сам человек. Об этом, о чуде веры и о том, как пересекается

повседневная жизнь человека с удивительным миром души –
новая книга Марии Мельниковой.

Содержание

Глава первая. Прямая в никуда	6
В шаге от пропасти...	6
Победа?	10
Смертельный проигрыш	13
Литейный мост	17
Глава вторая. Первый друг	20
После пробуждения	20
Загадки и ответы	28
Имя	33
Протоиерей Стефан Черняев	40
Глава третья. Литейный мост	51
Обещанная тюрьма	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мария Мельникова

Крестный ход над Невой

© Мария Мельникова, текст, 2021

© Ольга Бондарь, иллюстрации, 2021

© Издательство «Сатись», 2021

© Храмъ прп. Серафима Саровского въ Песочномъ,
Санкт-Петербургъ, 2021

Глава первая. Прямая в никуда

В шаге от пропасти...

– Ужас! Чего ты всё каких-то уродов теперь рисуешь?! Что, не можешь приличное что-нибудь нарисовать?! – Бабушка раздражённо дёрнула плечами, вскользь глянув на лист, который лежал на столе перед Степаном, и с громким стуком поставила рядом тарелку с ароматными оладьями. – На! Завтракай... Вот сгущёнка... Вот мёд... – Банки она переставляла как шахматы. – Совсем уже в школу опаздываешь! Младшие и то уже собрались и ушли... Жуй быстрее. Вечно ты копаешься до последнего...

Стёпа не прислушиваясь к её словам, неотрывно, будто провалившись внутрь, смотрел на лист, заполненный чёрными, искорёженными фигурами. Их было так много, что они практически сливались в одно большое пятно, напоминали бездонный колодец, сложенный из чьих-то тел, пропасть, куда сам мальчик уже летел и знал это, но было поздно что-либо менять. Он уже не мог остановиться...

Степан не рисовал этого... Он всегда ненавидел черноту, ненавидел цвет, которого был лишён с самого рождения. Он родился бесцветным альбиносом, с розовато-серыми глазами, белоснежными волосами и бровями.

Только три года своей жизни он был абсолютно счастлив, но это было так давно, что теперь он вспоминал то время с большим трудом – его тоже нещадно искромсали ножницы

реальности, оставив от него разрозненные, но разноцветные и яркие лоскутки. Тогда Стёпа был белокурый ангелом, и все его любили. Он много смеялся, запрокинув голову, и подолгу сидел у мамы на коленях. Прижавшись к её груди, он с упоением слушал, как бьётся её сердце.

Потом один за другим начали рождаться братья и сёстры, тогда же из ангела он превратился в Белую Крысу, которую все всегда и везде старались затравить: на улице, в школе, в транспорте, в магазине. Толкнуть, ударить, надсмеяться...

Каждый прожитый день доставлял невыносимую муку. И только ночью, укрытый ото всех безразличным мраком, Степан мог вздохнуть свободно и плакать-плакать в подушку, никого не боясь и не скрываясь.

Ни одному человеку на свете не было интересно, что творилось у него на душе. Чего ему стоило изо дня в день вдыхать и выдыхать чужой, враждебный воздух.

Не притронувшись к завтраку, Степан скомкал лист и бросил его в корзину с мусором. Он знал, что через двадцать, самое большее – тридцать минут всему придёт конец... Потому что лично ему придёт конец...

Натянув на лоб капюшон серой толстовки, мальчик машинально закинул на плечо теперь уже совершенно ненужный рюкзак, полный учебников и тетрадей, и медленно направился к двери, но вдруг остановился и бросил прощальный взгляд на зеркало. Из его ненавистных розовых глаз по

мертвенно-бледным щекам текли чёрные струи.

– Ненавижу... – прошептал Степан, вытирая рукавами глаза.

По манжетам его кофты начали расползаться тощие, чёрные фигуры. Они как будто насмехались над ним, плясали и корчились.

Победа?

Началось это всё с маленькой победы...

Три недели назад Стёпа как обычно, не поднимая головы и не глядя по сторонам, шёл по школьным коридорам к классу. Он даже выработал бесшумную походку, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимание окружающих. Скоро должен был начаться урок. Оставалось несколько минут, несколько шагов.

– Смотрите, наша крыса пришла! Вот мы рады-то! – расхохотался одноклассник, записной красавчик и любимец девочек, преграждая Степану вход в класс. – Давай, проваливай отсюда! А то мы щас снова на тебе опыты ставить будем!

Прихорашиваясь, он красивым жестом поправил шелковистую каштановую чёлку, исподтишка посматривая на реакцию, которую производили его слова на свиту, постоянно пасущуюся рядом с ним.

«Ставя опыты», Степану выламывали до боли руки, втыкали в него кнопки, рвали тетради, отбирали подарки, которые скупно выделял ему на праздники родительский комитет, доводили словесно и хохотали всем классом, когда он кричал от боли, от бессилия и ненависти. По логике окружающих, раз он отличался ото всех внешне, значит, не имел права чувствовать.

Стёпа втянул голову, готовый в любую минуту к удару, и

затравленно, исподлобья посмотрел на своего главного обидчика, с картинной ухмылкой застывшего в дверном проёме. И в этот момент из глаз Степана полились холодные, злые слёзы. Они медленно стекали по щекам, разветвлялись, заливая лицо, капали на одежду. Мальчик, конфузясь, пытался вытереть их, но слёз становилось всё больше и больше.

Лицо Красавчика перекосилось и побелело. Забыв о своей красоте, он разинул рот и вытаращил глаза, глядя на свою жертву.

– Ты чего это... чего?... – прошептал он, задыхаясь и неотрывно глядя на Степана. И голос, и всё тело его при этом дрожало, зубы выбивали трусливую дробь.

– Смотрите... смотрите... ужас... ужас... – как эхо шелестела его свита.

– Господи, Стёпа, что это с тобой?! – охнула учительница, поравнявшись в эту минуту с мальчиком. – Где ты уже умудрился так вымазаться?! Иди, приведи себя в порядок... Скоро прозвенит звонок...

Степан ещё не понимал, что произошло, он смотрел и смотрел на искажённые страхом лица своих обидчиков и наслаждался их ужасом, их растерянностью. И ликовал. Впервые он одолел их. Впервые сила оказалась на его стороне. Даже в самом счастливом сне он не дерзал вообразить себе такого торжества!

Когда его одноклассники один за другим просочились в кабинет, Стёпа перевёл взгляд на свои руки и вдруг увидел,

что они покрыты скользкой чернотой.

...С того дня больше никто не дразнил и не бил его. Все старались держаться от него подальше, лишь изредка бросая в его сторону косые, испуганные взгляды. Теперь Степана сторожила плотная пустота, занявшая всё пространство вокруг него, и делала его недосягаемым для обидчиков.

«Боятся, значит, уважают! Так им всем и надо!» – не переставал радоваться мальчик. Он чувствовал себя победителем. Жизнь заиграла для него новыми красками.

Сильным и защищённым его сделала странная особенность – чёрные слёзы. Они появлялись из глаз каждый раз, когда Степан злился, припоминал старые обиды, каждый раз, когда в его душе начинала шевелиться ненависть.

Выглядело это не просто отталкивающе, чёрные струи, расползающиеся по лицу, вызывали у всех отвращение и ужас. Но Степан относился к ним с благодарностью, потому что наконец восторжествовала справедливость.

Ни родители, ни учителя не заметили в нём никакой перемены. Он уже давно был абсолютно безразличен всем взрослым: и тогда, когда над ним издевались, и теперь, когда все начали его бояться.

Смертельный проигрыш

Но краски почему-то скоро погасли и погрузились во мрак. Раздражение и ненависть всё чаще давали о себе знать. Страх, который он внушал своим одноклассникам, стал казаться Степану недостаточным возмездием за всю ту боль, которую год за годом ему причиняли люди. Обиды, даже давно забытые, теперь вспоминались и поднимались из самых глубин души, сбивались в тяжёлый камень и мешали свободно дышать. Все мысли его были заняты мстостью, которой он наслаждался, которую он смаковал.

– Ты теперь проклятый... Все теперь видят лишь твоё уродство: тупость и трусость, которые раньше тебе удавалось скрывать за пышным чубчиком, – презрительно процедил Степан, проходя однажды мимо Красавчика.

Свита подпевал, состоящая из мальчиков и девочек, не самых умных и не самых честных, тут же рассеялась, как будто совсем ещё недавно они не заглядывали в рот своему кумиру и не поддакивали каждому его слову.

Степан усмехнулся: «Наконец-то и ты узнаешь, что такое одиночество...» Но и этого было мало. Всего было мало. Забитый и обычно молчаливый, он теперь ходил расправив плечи и постоянно говорил всем гадости. Пользуясь ужасом, который неизменно появлялся у всех при виде чёрных набухающих капель в уголках его розовых глаз, он пророчил

всем скорую смерть, страшную, мучительную боль, позор и всё, что мелькало в этот момент в его полыхающей голове. А потом громко смеялся, когда одноклассники шарахались от него и прятались по углам.

Однажды в бесконечном школьном коридоре Степан столкнулся с девочкой из своего класса, она шла глядя себе под ноги и что-то тихо шептала под нос.

– Вот, мышь серая! Ты что совсем одичала?! – зло закричал на неё Степан из-за того, что она не уступила ему дорогу. – Смотри, и тебя прокляну! Со всеми вами давно пора кончать...

Девочка вздрогнула, взметнулись ресницы, открыв удивлённые круглые, как у мыши, глаза. Печально посмотрела на Степана и юркнула в сторону. А он остался стоять, пригвождённый внезапной мыслью: «Что я творю?! Кем я становлюсь?! Что со мной происходит?!»

Степан знал, что до того, как он пришёл в этот класс, главной мишенью была она, эта маленькая, хрупкая девочка в сильно изношенном платье. Над ней издевались, срамили за нищету, бойкотировали всем классом и в глаза прозвали Серой Мышью.

...Прозвенел звонок, коридор опустел. Из классов уже звучали монотонные голоса учителей. А Степан всё стоял на том же месте. «Что со мной? Какой ужас! Надо остановиться! Надо срочно остановиться! Я не хочу стать таким же, как они со мной...»

Чернота начала заливать его лицо и руки. В голову вдруг вонзилась непонятная, пугающая мысль, будто её произнёс чужой, незнакомый голос: «Либо ты их, либо мы тебя...» И тогда же впервые мальчик увидел, что капли, попавшие на одежду, выглядят как чёрные, скорченные силуэты. Кого-то жуткого, отталкивающего, но завораживающего.

С этого дня мальчик наглухо замкнулся в себе: машинально посещал уроки, не слыша, что говорили учителя, ел, не чувствуя вкуса, бродил по улицам, не узнавая мест, где проходил, спал, не ощущая отдыха. Чем дальше, тем яснее он понимал, что чернота не его сила и защита. Она расползлась внутри него, захватила его и управляла им, его мыслями и чувствами. И вырваться от неё он не мог и не знал, как освободиться. Обратной дороги у него не было...

«Ты должен отомстить. По-настоящему. Ты должен умереть, чтобы отравить всем жизнь. Чтобы все жалели, чтобы все страдали...» – неотступно в его голове теперь пульсировала мысль о самоубийстве.

Степан пытался сопротивляться ей, чувствовал её чуждость, пытался убежать от неё. Но как?!

«Я хочу жить! Я хочу узнать, что такое счастье!» – плакал мальчик, но по лицу его лишь растекалась чёрная слезь.

«У тебя есть выбор. Хочешь жить – живи, существуй, терпи и дальше. Но ты лишишься всего... Вместо тебя уйдёт другой, тот, кто тебе дороже жизни...»

От этих мыслей, которые нащёптывал холодный, злорад-

ный голос, Степана бросало в дрожь. Он понимал, что попался в ловушку.

– Стёп, ты почему не пошёл сегодня в школу? Ты не болен? – спросила мама, но тут же, не дав ему ответить, добавила: – Посмотри, пожалуйста, за братиком, мне нужно сделать только один звонок...

– Мне некогда! – зло выкрикнул Степан и, хлопнув дверью, выскочил на лестничную площадку, а затем на улицу.

В серых дворах застыла серая осень. С Невы дул ледяной, влажный ветер. Подставив лицо ему навстречу, Степан долго бродил по подворотням вдоль реки. Напряжённая борьба мыслей и чувств не давала покоя, мучала его, причиняла боль. Хотелось найти выход, хотелось убежать... Но останавливала одна непоколебимая правда: единственный человек, который был ему дороже жизни, – это мама. Несмотря на обиду. Несмотря на её безразличие и пустой взгляд. «Если не я, тогда она...»

«Вот ты и сделал свой выбор. Это совсем не сложно... Зачем обманывать себя пустыми мечтами? Ты никому не нужен! Даже ей... Той, которая тебя родила. Завтра ты придёшь к Неве, поднимешься на Литейный мост и освободишься от всего...»

Литейный мост

...Надвинув на лицо капюшон серой толстовки, Степан вышел из дома и плотно закрыл за собой дверь. Сегодня он уходил навсегда. Последний его путь был в один конец.

В душе больше не бушевала буря, не было сожалений. Задавленная в чёрные тиски, она перестала биться. Надежды на свободу не оставалось. Ненависть заполнила всё его существо. Степан, глядя под ноги, шёл знакомой дорогой через дворы к Неве. Холоднее и пронзительнее становился ветер. Смерть приближалась. До неё оставалось всего несколько шагов...

Привычно оглядевшись по сторонам, Стёпа перебежал проезжую часть набережной и ступил на серый гранит.

«Да уж... смешно бояться попасть под колёса, когда пришёл топиться», – машинально усмехнулся он и зашагал к мосту.

– Совсем безрукий! Ты видел, как он рисует?! Просто позорище! Всё у него размазывается, течёт... – брезгливо сказала пухленькая, нарядная девушка и поглубже закуталась в шарф.

– Художник от слова худо... – манерно откликнулся её долговязый собеседник.

– Безобразие! Кто-то всю жизнь учится, творит, умирает

в безвестности! – трясая головой, говорила своей собаке пожилая женщина, прошедшая следом за парой. – А этот малыр стоит на всеобщем обозрении и марает бумагу. Возмутительно! Позор для настоящих художников!

Стёпа, привлечённый этими репликами, обернулся и увидел человека в мешковатом, коричневом пальто, из которого торчала голая, красная от холода шея. На ветру трепыхалась его тонкая, очень длинная и очень растрёпанная седая косичка. Старик привалился к гранитному парапету, всматриваясь вдаль. Лицо его было обращено к Петропавловской крепости, поэтому Степан не видел его. В одной руке человек держал сразу три кисти, вымазанные разными цветами, которые стекали, смешивались и попадали на запястье и рукав. В другой – детский набор акварельных красок. Рядом с ним стоял мольберт, на котором была закреплена рама с большим листом бумаги. Вероятно, старик пытался на нём нарисовать Петропавловскую крепость, но рисунок его действительно весь растёкся. Очертания соборов и Ангела на шпигеле можно было только угадать, они потонули в густой, случайно пролитой черноте.

– О! Ты пришёл, радость моя?! – старик вдруг обернулся к Степану, словно почувствовав его приближение. Небесно-чистые глаза его сияли радостью. – Ну, слава Богу! А я вот тут... как видишь... – И он улыбнулся и смущённо пожал плечами. – Рисовал для тебя, рисовал, пока дожидался. А оно вот как-то так...

Говоря это, старик зачерпнул кисточкой жёлтую краску, видно желая всё-таки поправить свой рисунок, но от нового неловкого движения густые жёлтые капли сорвались с кисточки и полетели на лист.

Степан был поражён и пригвождён к месту. Он забыл в этот момент, зачем пришёл, мысли путались, его переполняло удивление: совершенно незнакомый человек посмотрел на него без отвращения и издёвки, а с участием и теплом! С тем теплом, по которому мальчик так истосковался за свою тяжёлую, безрадостную жизнь.

И в этот момент Стёпа увидел, как жёлтые капли стекают по листу, а чернота отступает перед ними, расплзается и бледнеет побеждённая. Одновременно душа его тоже освобождалась от ледяных тисков, в которые была зажата все последние дни. Мальчику вдруг стало и больно, и радостно. В смятении он бросился бежать подальше от Невы, от моста, который должен был стать трамплином в смерть, от этого странного, но почему-то такого родного человека, от зримой победы света над мраком, которую запечатлели на бумаге неумелые мазки краски.

Из глаз мальчика струями лились слёзы, но теперь они были кристально чистыми и светились.

Глава вторая. Первый друг

После пробуждения

Прибежав домой, Степан сбросил в прихожей обувь и рюкзак и, не переодеваясь, в чём был, завалился на свой диван и тут же провалился в глубокий сон без сновидений. Очнулся он только на следующий день. Когда мальчик открыл глаза, то увидел, что на стуле рядом с ним сидела мама и держала его за руку.

– Ты чего? – удивлённо спросил Стёпа, отдёргивая руку.

– Ты сам меня позвал... И я пришла, – устало улыбнулась мама. – Во сне звал, но я всё равно пришла. Ты заболел, Стёпа? У тебя что-нибудь болит?

– Теперь нет... Вроде, нет... Не болит... – сказал Степан, прислушиваясь к себе.

Впервые за долгое время он чувствовал себя отдохнувшим и счастливым. А главное, исчез из души тяжёлый, чёрный страх...

– Ну что ж, просыпайся и поднимайся... И давайте вместе пообедаем. И Гошу мне пора покормить, и всем нам пора кушать: кому обедать, кому завтракать... – Она погладила сына по голове и торопливо вышла из комнаты.

За столом собрались все, кроме папы, который всегда воз-

вращался с работы только поздним вечером. Когда Стёпа пришёл на кухню, все стулья были заняты, гремели ложки, бабушка, вооружившись большим половником, командовала общим хором, а заодно разливала по тарелкам суп. Стёпа втиснул табуретку и подсел к столу.

Наташа, Оля и Паша уже успели вернуться из школы и оживлённо обсуждали новости, Гоша повизгивал от радости при виде своих любимых сестёр и братьев и стучал по столу ладошками, мама, как бы невзначай, ложка за ложкой скармливала ему персональную, перемолотую кашу.

– У нас, как я погляжу, сегодня настоящий праздник! – сообщила бабушка. – Ох, наконец-то все дети вместе! Все за одним столом. Все дружные и довольные. Век бы любовалась! По такому случаю я к чаю открою коробку конфет!

Стёпа давно отделился от своего семейства, стараясь как можно меньше пересекаться с ним, и теперь ему было и смешно, и неудобно вот так, в тесноте и незатихающем ни на минуту гомоне, сидеть за столом. Он быстро выхлебал свою порцию супа и, поблагодарив бабушку и маму, протиснулся в коридор.

– Я – на улицу! – крикнул он уже из прихожей, спешно надевая куртку и ботинки.

– Опять... – вздохнула мама, но не стала останавливать его.

Степан сбежал по лестнице во двор и стремительно зашагал к Неве. «Только бы вчерашний художник был здесь!

Только бы, только бы!...» – думал он.

Едва мальчик вывернул из-за угла дома на набережную, сразу увидел картину, которая полоснула его по сердцу, убив радость.

– Чего ты тут стоишь, вообще?! Нормальным людям пройти мешаешь! – гнусавил коренастый, бритый парень, смачно чавкая жвачкой.

Компания агрессивных подростков окружила старика в коричневом пальто, притиснув его к каменному бортику набережной. Бритый, который был наглее прочих, схватил банку с грязной, бурой водой, в которой плавали куски краски, и выплеснул её на лицо, на седую, редкую бороду и одежду художника.

– Так тебе и надо! Крыса хвостатая! – загоготали его дружки и, насмеявшись, собрались идти дальше.

– Хорошие мои, спасибо вам! Надоумили старика, – поклонился им в пояс художник. – Это ж я по скудоумию своему, а не со злости здесь так расположился! Спасибо! Век буду за вас Бога молить, сердешные вы мои, птенчики вы мои, – ласково добавил он.

– Вот, шизик, – сплюнул один из подростков. – Пошлите! Он же ненормальный какой-то!

И компания, трусливо озираясь на странного, нелепого человека, который снял с головы остренькую вязаную шапку и широким крестом перекрестил каждого из них, ретировалась к Литейному мосту и растворилась в толпе людей, спешащих на другой берег Невы.

– Ой, сердешные мои... – печально качал головой старик, даже не пытаясь вытереть с лица воду и разноцветные куски краски, прилипшие к его щекам. – Бедненькие, ох, бедненькие...

Красный сигнал светофора наконец остановил машины, и Степан смог перебежать дорогу.

– Зачем вы им «спасибо» говорили?! Ещё кланялись?! Этим! – потрясённо выкрикивал мальчик. – Они же вас!.. Это же вообще самые отморозки злые!.. Им всё нипочём!.. Неужели вы сами этого не понимаете?!

– Радость моя! Ты пришёл?! Слава Богу! – тепло повторил вчерашние слова старичок и так же, как накануне, чуть смущённо и ласково улыбнулся ему.

От этой улыбки и этих слов запал в душе Степана сразу угас, всколыхнувшаяся было ненависть усмирилась. Мальчик достал из кармана салфетку и, немного конфузясь, протянул старику:

– Вот... Возьмите, пожалуйста. У вас на лице краска висит...

– Видишь, радость моя, какое у тебя доброе сердце! Такое сердце, как у тебя, просто так не проглотишь. Это точно! За него бороться надо. Вроде уж совсем мы с тобой проиграли. А потом – раз! – а оно-то, родимое, опять чистое. Что такое?! Не прилипла, значит, к нему грязь, оттолкнулась и уползла как неродная. Верно? – спрашивал он, вытирая лицо и напяливая на макушку свою не по размеру маленькую шапку. – Чернота-то ведь совсем не родная тебе... Что с ней бегать? Только людей пугать...

Стёпа молча смотрел на него и слушал и не мог поверить своим ушам: неужели этот человек, который видит его второй раз, мельком, говорит сейчас про его душу?! Про те страшные, сокрытые ото всех переживания, которые едва не стоили ему жизни? Или он всего лишь городской сумасшедший и бормочет невпопад всё, что приходит ему в голову?.. Но так метко... Так всё точно рассказал, будто знал, будто видел...

– Вот как бывает, радость моя, художник знаменитый только нос высунет на улицу, – старичок уже сменил тему, – к нему все сразу подсакивают, автографы просят: «Дайте!

Ну, дайте, пожалуйста!» А меня-то никто не знает, только на мне свои автографы оставляют и идут себе мимо. А я ведь тоже человек, и у меня тоже имя есть – зовут меня Петрушей. Не смущайся, так и кличь, как говорю. Я человек-то простой, неучёный, мне и этого будет довольно.

– А отчество? – уточнил Стёпа, смешавшись. – Какое у вас отчество?

– Да уж какое у меня-то, простого дурака, может быть отчество?! – искренне удивился старичок. – А Отец-то у нас у всех один – Отец наш Небесный.

Говоря это, он закинул голову и со счастливой улыбкой посмотрел на бескрайнее, не по-осеннему сияющее и чистое небо. От этого движения шапка буквально подскочила на его макушке и тут же свалилась на набережную.

– Вот тоже строптивница, – с глубоким вздохом Петруша поднял её, бережно отряхнул и, перекрестившись, водрузил на прежнее место. – Чуть что, бежит невесть куда! Голубушка моя, так и в грязь бухнуться можно и совсем пропасть и затеряться можно. Да что я шапку-то поучаю?! – спохватился он и поспешно добавил: – Она-то ведь и так всё время на голове у меня сидит и все мысли мои давно знает-ведает. Да и все мы такие же строптивные, как она. Даже краски слушаться совсем не хотят: не ложатся, где им положено, а бегут-бегут! Что ты будешь делать?! Никчёмный я человек, а ты, радость моя, по имени-отчеству величать меня собрался! Доброе у тебя сердце, хоть и обиженное шибко!

Стёпа молчал, не зная, что сказать, и во все глаза смотрел на своего нового знакомого. Поражали мальчика даже не его слова, не странный, какой-то взъерошенный и блаженный вид – старик отличался от других людей гораздо заметнее, чем он, Стёпа, мальчик с белёсыми волосами и розово-серыми глазами.

Больше всего поражал необыкновенный взгляд этого старичка – это был единственный человек, который смотрел на Степана с теплом и искренним, сердечным участием. Не с отвращением. Не с безразличием. А с любовью!

Загадки и ответы

– Ветер-то поднялся! Ужас! – встрепенулся Петруша и вытянул шею, стараясь рассмотреть людей, идущих по Литейному мосту. – Как бы моих учителей с мостика-то не сдуло! А ведь такие умные люди! Даже один профессор среди них имеется! А другой – водитель, третий – охранник, четвёртый – солдат. Вот всё люди-то какие уважаемые – учителя мои!

– Вы где-то учитесь? – спросил Стёпа, почему-то вообразив, как Петруша понуро сидит за партой рядом с Красавчиком, а учительница у доски показательно, с треском рвёт его тетрадь из-за плохого почерка. В том, что у старика плохой почерк, мальчик не сомневался.

– А как же?! Конечно, учусь! Это всегда полезно, всегда благо! Только вот, что дураку учиться? В одно ухо влетело и во второе влетело, а душе никакого от того прибытку... – И Петруша горестно пожал плечами.

– Подождите-ка, а кто это – ваши учителя? – спросил Степан, голос его заметно дрогнул.

Мальчик вдруг понял не умом даже, не душой, а битыми боками, что имеет в виду старик.

– Это те отморозки – ваши учителя?! – прошипел он. – Это они-то умные люди?! Профессоры?! Они же вас оскорбили, надсмеялись на глазах у всех!

– Запомни, радость моя, учителя – это очень уважаемые люди, за них век надо Бога молить, они утруждаются, чтобы научить нас жизни! – подняв узловатый палец вверх, значительно произнёс Петруша. – Учёба-то не всегда радость сплошная, это великий труд и великая наука.

– У меня весь мир – такие учителя! – зло выпалил Стёпа. – Они мне всю жизнь отравили! Я никогда им спасибо за это не скажу! Никогда! Я с моста из-за них хотел броситься! – Мальчик перешёл на крик, но вдруг голос его оборвался.

Стёпу колотил озноб, в глазах потемнело... Мальчик сник и замолчал.

– Ой, какие слова-то страшные сейчас закружили воронами вокруг нас! – Петруша торопливо снял шапку, будто она сильно испугалась, погладил её и посадил на место.

И печально замолчал. Не произнеся больше ни слова, он обнял мальчика и прижал к себе. А тот стоял, уткнувшись носом в его коричневое, заскорузлое пальто, и рыдал безудержно, громко и отчаянно.

Когда боль утихла и слёзы закончились, Стёпа, не поднимая лица, тихо, по-детски начал всхлипывать:

– Я – урод бесцветный! Меня все ненавидят! Я никому не нужен! Зачем я вообще родился-то?!

– Радость моя, белый лист, если посмотреть так, как ты смотришь, – тоже бесцветный. Но в том его и польза, и предназначение. – Из глаз старика бежали тихие, сочувственные слёзы. – Вот, душенька, погляди на мой-то лист. Вроде ста-

рался я над ним, старался, а только испортил, заляпал неподобающе. Жалко его, что такое сокровище дураку досталось. Был бы кто поумнее – мог бы таблицу заумную свою здесь поставить, или, скажем, график прироста какого-то, или стихотворение написать. А я просто что-то намазюкал чёрное – ни красоты, ни пользы, и суть вся заплыла.

Стёпа чуть отступил от старика, неловко было так стоять на глазах у прохожих, а кроме того, хотелось понять, что Петруша имеет в виду на самом деле: к его манере говорить надо было ещё привыкнуть. Этот человек не вписывался ни в какую таблицу и ни в какие рамки, но его хотелось слушать, хотелось стоять рядом с ним и быть счастливым.

Мальчик устался на мольберт, к которому был прикреплен вымазанный краской лист. Действительно, замысел художника был совершенно сокрыт от постороннего наблюдателя.

– А что вы рисовали? – поинтересовался Стёпа.

– Как и все художники... – тяжело вздохнув, ответил Петруша и пробормотал: – Борьбу света и тьмы...

– Знаете, у вас это получилось! – воскликнул мальчик, вспомнив своё вчерашнее переживание при взгляде на лист, где жёлтые брызги разогнали мрак. – Знаете!.. Ваш рисунок мне жизнь вчера спас!..

Петруша от этих слов расцвёл, заулыбался, но потом застенчиво пожал плечами, будто говоря: «Да это ж не я всё! Что ты мне, дураку, такое великое дело приписываешь?!»

– Скажи, Стёпушка, а какой цвет тебе-то самому нравится больше других? – просто спросил он. – Ведь не важно, в каком цвете мы пришли в этот мир, важно только то, в каком – отсюда уходить станем. Мы сами всегда свой цвет выбираем...

– Мне нравится жёлтый... – проговорил Стёпа, вспомнив сияющие капли на рисунке старика, но осёкся и прошептал: – Подождите-ка, я не говорил вам, как меня зовут... Откуда вы моё имя знаете?!

– Ишь, какой засекреченный шпион нашёлся! – весело рассмеялся Петруша, а потом, став серьёзным, тихо добавил: – А ты, душа моя, вон какой сильный оказывается! Эвона, какой сложный, непобедимый цвет ты для себя выбрал. Но нести его трудно... Ох, трудно будет... Через всю-то жизнь... Через все испытания и искушения свет пронести – это подвиг.

– Как это сильный, непобедимый цвет? Его же любой другой перекрыть может! Намазал зелёным, или серым, или чёрным – и от жёлтого ничего не осталось!

– Это не так... Сам полюбуйся! – Радостно глянув на мальчика, Петруша достал из большой, коричневой папки с длинными завязками чистый лист и, прикрепив к деревянной рамке, поставил на мольберт, а старый рисунок приставил к парапету.

Затем старик не спеша снял шапку, размашисто перекрестился на купола, на Ангела с крестом, виднеющихся над

Невой, и, окунув чистую кисточку в жёлтую краску, нарисовал посередине листа несколько широких мазков, похожих на пламя свечи.

– Красиво? – улыбнулся Петруша, как ребёнок любясь на свой рисунок.

– Красиво... – поддакнул Стёпа, не отрывая взгляда от художника.

А старик нацепил шапку, натянув её на самые брови, строил выражение записного злодея и, зачерпывая кисточкой как ложкой все тёмные цвета, которые были у него в запасе, начал размазывать их по всему листу. Но жёлтые мазки оставались чистыми и как будто светились! Едва коснувшись их, тёмные краски сползали, не затронув их и даже не изменив изначальной чистоты тона.

– Это фокус! На самом деле так не может быть! – азартно выкрикнул Стёпа. – Вы специально это... Для эффекта! Для того, чтобы я поверил в сказку про непобедимый цвет!

– Радость моя, я просто хочу поделиться с тобой одной маленькой тайной: тьма, даже самая мрачная, не может победить свет! Его можно только погасить в себе, в своей душе, и делает это с собой всегда сам человек... – сказал Петруша. – Тогда сразу же, мгновенно, место света занимают любые другие цвета, теряют свою красоту и превращаются в грязь.

Имя

Петруша оценивающе посмотрел на свою работу: то приближал лист к самым глазам, то разглядывал его издали, искоса и прямо. Потом удовлетворённо кивнул головой:

– Сидит тут, как миленькая... – улыбнулся старичок и аккуратно открепил рисунок от рамки. – Это тебе, радость моя, на память о нашей тайне! – сказал он торжественно. – Чем старше ты будешь становиться, тем больше ты сможешь разглядеть на этом замаранном листе. Не потому что он со временем так сильно поумнеет, просто ты теперь носишь в себе умную тайну, которая будет открываться всё больше.

– Спасибо! – искренне поблагодарил Стёпа, уже давно никакой подарок не смог бы так сильно его порадовать. – Я обязательно сохраню ваш рисунок!

Петруша снял шапку и, приглаживая волосы, сказал ей: – Вот учись, строптивница: радуйся малому, получишь настоящее! Иначе так и будешь до дыр куковать у меня на голове и – никакого тебе полёта!

Стёпа уже привык, что у них есть третья собеседница, и его это совершенно перестало смущать, даже наоборот – эта старая, сильно поношенная, с остренькой макушкой шапка казалась одушевлённой и очень милой.

Петруша, преподав ей короткий урок, нахлобучил её на темечко и, напевая какую-то тягучую, незнакомую мелодию,

закрепил на раме новый лист. Затем он аккуратно, на самый кончик кисточки набрал жёлтой краски и принялся не спеша что-то рисовать.

– Душа моя, а ты знаешь, что твоё имя означает – венец?
– На каком это языке? – осторожно переспросил Стёпа.

И вновь в его голове промелькнула мысль, что он не говорил, как его зовут. Не скрывал, но просто не успел, да и Петруша его об этом не спрашивал...

– На родном, радость моя, на родном для твоего имени. Имя Степан, иначе Стефан, – греческое. Стало быть, именно в греческом языке Степан и означает «венец».

Все мы, горемыки, по земле идём и крест тащим. У кого какой. Но крест свой нужно не просто до конца донести: допыхтеть и доохать кое-как, а научиться любви. Настоящей, Господней Любви. Без любви-то на Небо никто ещё взлететь не мог: так и сыпались обратно. Понимаешь? Крест только сначала тяжёл, к земле пригибает, спину мозолит, а как до конца его донесёшь, попривыкнешь, сроднишься с ним – так он ещё и крыльями станет: большими такими, просторными. И чем тяжелее и больше крест, тем больший потом размах и полёт. А до Небушка по-другому и не доберёшься, как ни старайся: прыгай потом, из кожи вон лезь, а без креста не допрыгнешь. А там, у Бога, нас как раз и ожидает заветный венец – главная награда. Заслужил? Тогда получай! И радуйся!

Вот скажи, тяжёлый у тебя крест? Трудно тебе, Степан, венец свой достаётся? – серьёзно, но вместе с тем и ласково

глядя мальчику в глаза, спросил Петруша.

Стёпа потемнел лицом, вспомнив все обиды своей жизни, и, помолчав, тихо прошептал:

– Нет у меня уже никакого венца на небе. Я его вчера в Неву выбросил...

– Нет-нет, радость моя! Что ты такое говоришь?! – испуганно замотал головой старик. – Ты в Неву только умершую любовь выбросил! А крест-то твой на месте, никуда от тебя не делся. Неси его дальше, радуйся, венец зарабатывай. Вот только любовь нужно новую вырастить... Та, что в тебя Богом была вложена, не сбереглась без полива и уходу. Вымерла. А теперь потрудиться придётся, пока новая на её месте вырастет. Мы её вместе растить станем, верно?

– Какая любовь?! – горько усмехнулся Стёпа. – Я весь мир ненавижу...

– Ну уж точно не весь! – запротестовал Петруша и опять замотал головой. Шапка его на этот раз не усидела и слетела на мостовую, а длинная косичка замоталась из стороны в сторону, будто выглядывая на Стёпу из-за его спины. – Голубушку мою любишь, – улыбнулся Петруша, вновь отряхнув и надев шапку. – Даже меня, такого дурака, полюбил! Вот какое у тебя сердце! – И старик взмахнул руками, чтобы наглядно показать какое огромное у мальчика сердце.

От этого движения шапка снова получила краткую свободу, а с кисточки на Стёпу полетели жёлтые капли.

– А как такого дурака любить?! – ужаснулся Петруша,

прикрыв ладонью рот. – Это ж надо?! Какой злокозненный я старикан! Социально-опасный элемент, правильно мне говорили... Всё правильно...

Но Стёпа так и не нашёл краску на своей одежде, куда она должна была прилететь, не чувствовал её и на лице, зато на душе у него стало тепло, как от медового компресса, и тихо. Растерянный старичок с небесными глазами и растрёпанными седыми волосами для социума точно никакой опасности не представлял!

– Вот погляди-ка, кого я тебе ещё нарисовал! Я тебя вообще теперь своими рисунками задарю, – радостно рассмеялся старичок, видя, что Степан на него не обиделся. – Вот! А ты меня теперь, как маленького, будешь за всё хвалить и благодарить. И добра станет вот как много! – Петруша снова хотел взмахнуть руками, но вовремя передумал, поэтому шапка и краски остались на своих местах.

На мольберте тем временем происходило новое чудо или завершался какой-то новый фокус: бледно-жёлтые линии, которые во время разговора осторожно, едва касаясь кисточкой, наносил Петруша, становились ярче и гуще, проступали из глубины бумаги и светились, будто рисунок, портрет какого-то очень красивого человека, был создан из света.

– Знакомься, Стёпушка. Это твой тёзка, твой Хранитель! – звали его ещё совсем недавно Степаном Ивановичем. Потом, когда он стал батюшкой – отцом Стефаном стали именовать, а совсем скоро, оглянуться не успеешь, все будут петь ему: «Священномучениче, отче Стефане, моли Бога о нас!» И ты тоже подпевай, и о помощи его проси. И не таким тяжёлым станет твой крест, потому что батюшка Стефан своё плечико подставит, чтобы ты отдохнуть смог! Знаешь, какой он добрый, какой скромный! Никому в помощи не отказывал и не откажет...

И вот посуди сам, фамилия у батюшки – Черняев. Родился Черняевым, простой крестьянский малец из многодетной семьи, мог сразу махнуть рукой и нацепить на себя чёрный цвет или серенький какой-то. В сереньком-то всегда жить проще, во все времена: и в дурные, и в хорошие. Шишек не получишь, а конфетками не обойдут, понимаешь? А если вдруг вопрос какой появится, всегда можно на фамилию свою кивать, мол, что я мог поделать? как в противоречие вступить с натурой? Это очень удобно, так многие живут...

И у батюшки путь по земле мог быть гораздо легче! А он нет, не побоялся, Свет для себя выбрал! Даже когда уже всё во-круг во мраке потонуло, он в душе свой свет берёт и нёс без-боязненно. И до самой последней минутки креста не оста-вил, шёл с ним и светился. И другим помогал, тем, кому бы-ло так же тяжело и плохо, как ему. Честно и праведно отец Стефан венец славы Божией заработал...

– Ему хорошо было, вон он какой красивый! А меня люди ненавидят! Все! – вдруг выпалил Степан, перебив старика, и сразу об этом пожалел.

Лицо Петруши удивлённо вытянулось, но посмотрел он на Стёпу без осуждения, только скорбно покачал головой и сказал:

– Батюшку Стефана очень-очень любили люди! Это ты правильно подумал. Но не за красоту внешнюю, – кому от неё какая радость?! Совсем не за неё, а за внутренний свет, к которому все тянулись из мрака, кто спастись хотел. Они у его света в бурю обогреться мечтали. Но не все любили. Ой, не все! Были и другие, те, кто не удержался, испугался смерча и погасил в себе и свет, и веру. Эти отца Стефана и начали в спину толкать, в пропасть, в погибель скидывать. Друзья его предали, понимаешь? Я ещё больше тебе сейчас скажу, а ты сам решишь, так ли уж легко ему было до венца своего дойти?

Протоиерей Стефан Черняев

– Стефан Иванович вышел из крестьян. А кто такие крестьяне? Хрестьяне они православные, народ-труженик. Сердце повелело Степану выбрать путь священнического служения. А ведь это совсем не самый простой-то и лёгкий путь в жизни, у самого сатаны души людские отбирать, с бе-сами бороться, грешников отмаливать, взваливая их грехи на себя. Но батюшка поначалу даже не догадывался, насколько страшен и тернист его путь окажется впереди, за первым же поворотом.

Петруша положил кисти, облокотился на гранитный парапет и, поглядывая на искристую, торопливую Неву, начал рассказывать о судьбе одного из петербургских батюшек.

Отец Стефан Черняев стал священником в богохранимой стране, когда во главе её ещё стоял праведный царь. Но ми-нул всего лишь один год, и вдруг всё изменилось! Царь вместе со всей семьёй, с красавицами дочерьми, с больным царе-вичем оказался в заточении, брошен всеми, предан, ждал смерти.

А по России тем временем покатила, разгулялась революция.

– Это ж надо?! – с горечью спросил Петруша. – Что такое с народом православным стало, какое помрачение напоз-

ло на всех, какая чернота обуяла, что брат в этой страшной пляске на своего брата, кровинушку родимую, руку поднял?! Не грудью встал на защиту, а смертью убил! Ох! Утонула тогда навеки наша прежняя, седая и мудрая Матушка-Россия в братской крови и материнских слезах... – Голос старика, и без того довольно слабый и тихий, оборвался, затопленный слезами.

Борясь с волнением, Петруша замолчал, взял кисточку, набрал на неё красной краски и начал с уголка, маленькими штрихами закрашивать лист с портретом.

Стёпа напряжённо следил за его трясущейся рукой: неужели всё замажет?! Неужели испортит такой замечательный рисунок?!

– А здесь-то что в Петрограде творилось! Страх и ужас! Помилуй нас, Господи, не знаем мы, что творим, не ведаем... – Петруша покачал головой и скорбно хлюпнул носом. – Город словно обезумел. Ещё вчера каждый своим делом был занят, как пчёлка трудился, а последнюю копейку на строительство церквей не жалел отдать. А тут все работу забросили, схватили оружие и на улицу высыпали: будто мешок прохудился, где до того всё спокойно было убрано. Испугались, обманулись, проголодались, озлобились, сердешные мои. Не успели моргнуть, а и сами-то уже замарались предательством и кровью и пошли город свой громить, чтобы ничего святого в нём не уцелело...

Легко ли, как тебе, Стёпушка, кажется, устоять в такой

круговерти и идти через этот мрак, этот чад и светиться своим внутренним светом? Какую надо иметь силу и веру, чтобы не испугаться, не спрятаться, не поставить в уголок свой крест до времени, а продолжать путь служения Богу и ближнему?! Вот то-то и оно...

Петруша снова замолчал, борясь с комом боли и сочувствия, который поднялся из души и мешал ему говорить. Он достал из коробки баночку с чёрной краской и начал размешивать её, с грустью наблюдая за тем, как смешиваются, будто ввинчиваясь друг в друга, красный и чёрный цвета.

– А почему люди стали плохими и злыми, если до этого все они были честными и верующими? – спросил Степан.

– Ой, радость моя, я раньше тоже всё гадал: как это вообще возможно?! Это же кому придёт в голову такое злодеяние: брата убить, невинного до смерти замучить, деток расстреливать?! А это очень просто и быстро происходит с нами: шёл-шёл чистый и опрятный, глядишь, только слегка поскользнулся, а уже упал и в грязи извозился так, что родимая матушка не узнает...

Жили на земле первые братья: Каин и Авель, дети первых людей, Адама и Евы. Почему Каин убил своего ласкового брата? Он же ему никакого вреда не причинил, ничем не обидел, ничего не отнял, не присвоил. А убил его Каин только потому, что Авель был другим. Почему тебя обижают, мучают с самого раннего детства? Кому ты чего плохого сделал? Никому... Просто ты отличаешься ото всех. Ты –

немного, но другой.

И тут то же самое. Когда пришёл час, брат не узнал своего брата, потому что они в разные цвета выкрасились. Один – красный, другой – белый. И стали они по разные стороны черты. И эта самая черта, которую вообще люди сами придумали, всякую родственную связь перерубила.

Одних чернота сразу в свою власть завербовала, под себя подмяла, захватила без боя, а других, которые сопротивлялись, уничтожила смертью или так в угол загнала, что от страха они навеки замолчали.

Но самые что ни на есть несносные для черноты те люди, которые ничего и никого не боятся, кроме Бога, и несут свой свет, несмотря на бурю. Перед ними, понимаешь, и сама тьма бессильна... – Петруша начал наносить на рисунок густые, выпуклые чёрные мазки.

«Пропал портрет!» – вздрогнул Стёпа.

– Ещё год пролетел. Подло, исподтишка как-то, без суда и огласки, в подвале Ипатьевского дома выстрелом в голову убили царя. Он упал, сердешный наш, на пол, к ногам деточек своих и любимой жены. Ещё душа царя не отлетела, как и по ним уже начали палить из всех ружей. Сынок упал и умер, царица... А от царевен пули отскакивали, поэтому их, голубок израненных, штыками закалывали. А потом всех в яму свезли и закопали.

И на следующий день беззаконие это продолжилось. Остальных царственных родственников: и великую княги-

ню, и великого князя, и их близких друзей – скинули в глубокую шахту, чтобы они там убились. Батюшки мои! Какая смерть у них была долгая и страдальческая! Несколько дней они мучились от ран и боли и жажды. И ведь как, родненькие мои, страдали, а пели молитвы и Бога славили. А великая княгиня Елизавета Фёдоровна ещё всем раны перевязывала. Другим пыталась облегчить страдания, другим прислуживала... Знай, Стёпушка, так правосудие не вершится! Так только тьма орудует!

Рассказ этот давался старику с трудом. Он сильно переживал, вспоминая то страшное, смутное время и людские страдания, в слабом голоске его слышались слёзы.

Худо-бедно Степан знал историю двадцатого века, читал и про революцию, и про гражданскую войну, но это всё было так давно, что совсем не трогало его сердца. Было и было! И быльём поросло. Гораздо сильнее его ранило то, что происходило именно с ним. Каждый день. Но сейчас будто прорвалась плотина, и на него обрушился такой шквал людского горя, что мальчик стоял ошарашенный и подавленный.

А Петруша рассказывал дальше о том, как руками задуренных, обманутых, грязными ручищами новой власти стала тьма хватать и одного за другим проглатывать всех, кто нёс свет. Священники выходили навстречу смерти без оружия, с крестом в руках: «Братья! Одумайтесь! Остановитесь, пока не поздно! Что вы творите?! Тьма никого не благодарит...»

– Как думаешь, Стёпушка, легко ли им было? Легко ли

было отцу Стефану оставаться на горящей земле, когда один за другим замученные батюшки, монахи и архиереи уходили на небо? – спрашивал Петруша, а у самого по щекам текли слёзы. – Легко ли продолжать посреди такого ужаса своё служение: поддерживать испуганных, растерянных людей, которые не выбросили веру по приказу из души, а продолжали уповать на Бога и цеплялись за батюшку, как за последнюю свою надежду?.. Мученический венец – это не бум! – пуля в лоб...

Петруша стал рассказывать, как изо дня в день, двадцать лет, отец Стефан шёл под прицелом, но не только ни разу не свернул с пути, чтобы укрыться и отдохнуть, но не боялся даже оказывать помощь священникам, которые уже попали в опалу, в ссылки, поддерживал семьи тех, кто был убит.

– Ты, радость моя, себе этих двадцати лет и вообразить-то ещё не можешь, а батюшка столько времени свой тяжелейший крест нёс! Вот он я, стреляйте, если хотите, но я Господа своего на Крестном пути не оставлю, до самой Голгофы дойду! Даже под пытками не отказался, родимый мой, от Бога и Истины, которым служил всю жизнь. Даже когда друзья предали, последний кусочек земельки из-под ног выбили, и тогда стоял на своём, никого не предал, не смалодушничал, чтобы за их кровь свою судьбу смягчить.

Пустая я голова, дурак сплошной, но как больно-то мне за него! Даже простые слова сердце царапают, надрывают: что нашим мученикам бедным пришлось перенести!

Петруша вскинул голову, чтобы спокойный и просторный вид неба утешил его смятение, но короткий осенний день скользил к закату, старичок увидел лишь полоску гаснущего, уходящего света.

– Не бросай, пожалуйста! – по-детски взмолился он и заплакал. – Как же нам без тебя-то?!

Будто откликнувшись на его просьбу, будто в утешение, широкий луч опустился на Неву и, посверкивая, заиграл бликами на воде.

Впервые Петруша не обратил внимания, что уронил шапку. Стёпа поднял её, бережно отряхнул и прижал к груди.

– Возьмите... У вас шапка упала... – сказал он, когда старичок немного оправился и успокоился.

– Вот те на! – вскинул брови Петруша. – Уже нашла себе другую голову: помоложе да поумнее! Вот бесстыдница! Иди домой! – добавил он и нахлобучил её на место, легонько прихлопнув сверху ладонью.

Но тут же взгляд Петруши упал на рисунок, и настроение его вновь погасло. От портрета отца Стефана почти ничего не осталось: красно-чёрные пятна закрыли весь лист.

– А знаешь, дальше-то только хуже стало... – прошептал старик. – Тьма расползлась по всей огромной стране, захватив основу нового государства. Так посмотришь, вроде жизнь налаживаться стала, праздники, демонстрации, флажки-шарики, торжественные речи. Народ идёт, радуется. А чему, сам не знает. Или забыл всё? Неужто подмены не заме-

тил? Демонстрация праздника и праздник – дела-то разные, это и дураку сразу видно!

Ещё недавно шли с хоругвями и иконами, теперь по тем же улицам идут с шариками и флажками. Раньше слово Божие слушали, проповеди умные и душеполезные, а теперь ушами хлопают и пустые слова о светлом будущем принимают. А откуда светлomu будущему взяться-то, коли на темноте стоите?! Обещают равенство и братство евангельские, а само Евангелие сжигают, беснуются, храмы святые рушат, Ангелов без приюта оставляют, сидеть и плакать на камнях и развалинах! Ой, тошно! Ой, ужас какой! А над теми храмами, которые остались стоять, и того сильнее поглумились: где склад, где кино организовали, где клуб. Сначала молились, лбами по полу стучали, грехи отмаливая, а тут вдруг под музыку ногами дрыгать начали – в святом-то месте, в самом алтаре! Ох, сердешные, прости их, Господи, одурманенных! Мрак-то кромешный!

Как думаешь, Стёпушка, помогала ли красота или цвет волос отцу Стефану жить? И продолжать светиться, зная, что его свет даёт надежду на спасение, но привлекает к нему самому смерть неминуемую?..

Пойдём-ка, радость моя. – Петруша оставил кисти и краски, схватил Степана за руку и как маленького потянул за собой. – Литейный мост. Литейный проспект... Гляди туда! Там, в подвале Большого дома, батюшку Стефана избивали и пытали много дней только за то, что он любил Бога и де-

тушек своих любил, и горевал, что из-за него травили и его сына, и дочек, жизни им не давали. За то, что храмы разрушенные жалел. Били его, сердешного, били замечательного протоиерея, били умнейшего, образованного человека. Били и мучили до того, что батюшка и подпись свою под допросом поставить уже не мог. А его, с другими обречёнными, в машину затолкали, и вот этой самой дороженькой, мимо нас с тобой, по Литейному, на смерть повезли в «Кресты». Вон за Невой, на той стороне, виднеются...

Вот так и донёс он свой крест до самого конца: смиренно и мужественно... Расстреливали его в тот день семьдесят пятым... По ступенечкам спускался батюшка в подвал, а смерть уже весь воздух оттуда забрала, последний глоток ему сделать не дала! Всё смертью и кровью пропахло, осклизло. И небушко-то для отца Стефана не просто, а с громким хлопком открылось, таким, что на мгновение уши заложило... – Петруша горестно всхлипнул, вытер рукавом лицо, а потом добавил: – Расстреляли отца Стефана Черняева 12 ноября 1937 года.

– Это ж мой день рождения! – придушенно вскрикнул Стёпа.

– Вот какой на небе у тебя защитник, радость моя! С ним ничего не страшно! Молись, проси помощи, и сам увидишь, как жизнь твоя изменится...

Когда они вернулись к мольберту, портрет отца Стефана сиял золотом. Стёпа потрясённо смотрел на Петрушу, но тот

лишь робко пожал плечами:

– Вот видишь, радость моя, поглотила тьма, но не проглотила. Подавилась. И проиграла! – с гордостью проговорил старик. Открепив образ от рамки, он протянул его мальчику: – На, возьми ещё один подарочек. Я же говорил, что теперь своими рисунками тебя задаривать стану! А шапку свою к тебе больше никогда не пушу. Погляди-ка на негодницу, всё теперь на твою светлую головушку нацеливается! – Петруша приобнял Степана, поцеловал в макушку и сказал: – Ну вот и пора нам сегодня распрощаться, раскланяться.

– А можно ещё с вами постоять? Я могу и позже домой прийти, всё равно никто не заметит... – с надеждой спросил Степан, ему не хотелось уходить от этого странного, но такого прекрасного человека, рядом с которым было тепло... Чтобы опять, в полном одиночестве, брести по вечерним, тёмным дворам в дом, где его никто не ждал.

– Напрасно ты так, радость моя, – покачал головой старик. – Беги скорее! Уж так по тебе мама истосковалась, голубка моя замученная! Словами не передать! А завтра, как только уроки в школе отсидишь, честно да прилежно – прибегай ко мне. А пока науку грызть будешь, всё меня вспоминай: вот сидит там, на Неве, один дурак старый, который так за всю жизнь ничему путному не научился, а теперь локти кусает, да поздно! Слушай в оба уха, гляди в оба глаза, чтобы своего небесного покровителя не позорить. Батюшка

Стефан всегда учился старательно и отлично! А я тебя дождусь, и новый подарок нарисую, и тюрей накормлю!

Погляди-ка! – перебил себя Петруша. – Вот что бывает, когда шапка умнее головы! Я-то уже только про тюрю и думаю, а она вот что тебе на прощанье передать решила. помни, любовь наследует только тот, кто сам любит. Иначе никак не возможно. Душа, полная обид и ненависти, отпугивает даже тех, кто ей сострадает... Ну, радость моя, скоро свидимся! Теперь ты не один...

...Стёпа бежал домой поблѣкшими дворами, вокруг сияли разноцветным светом чужие окна, совсем рядом находились люди, но у каждого из них была своя жизнь. Одиночество больно укололо сердце. Но в этот момент свет упал на портрет отца Стефана и он тонко и тепло засиял посреди красно-чѣрных сполохов фона.

Стёпа расплакался, прижал рисунок к груди и прошептал: «Да! Теперь я точно не один...»

Глава третья. Литейный мост

Обещанная тюрьма

Учебный день тянулся целую вечность, казалось, урокам не будет конца. Стёпа отвык столько времени просиживать в школе, он давно бы ушёл и бежал сейчас к Неве так, что ветер свистел бы в ушах... Но Петруша не пускал. Его образ, словно сторож, стоял перед глазами и не выпускал из школы.

Стараясь выполнить поручение Петруши, Стёпа даже начал прислушиваться к тому, что говорили учителя. Самыми интересными оказались уроки литературы и истории. На остальных внимание его всё время рассеивалось и оседало на разные другие вещи и воспоминания.

Учителя по-прежнему не обращали на него внимания, ни один из них даже не поинтересовался, почему Степан несколько дней прогуливал уроки. Не заметили бы его отсутствия и сейчас, если бы он тихо собрал рюкзак и на первой подвернувшейся перемене выскользнул из школы.

– Нарожают сначала кучу детей, а потом не следят за ними. Что за люди?! Вообще не понимаю! – презрительно бросила хорошо поставленным голосом учительница музыки в Стёпину спину, когда он понуро брёл в столовую, вместо того чтобы нестись к Петруше.

Одноклассники были явно разочарованы тем, что Стёпа снова появился в школе. Подростки пугливо сторонились его, перешёптывались и неотрывно следили за ним, будто ждали, что в любую минуту он может вскочить на ноги, перевернуться через голову и, превратившись в волка, всех съесть.

Это их внимание сильно напрягало и раздражало Степана. Так и хотелось уже вскочить на парту и закричать на весь класс что-нибудь обидное. Он даже начал уже воображать, как это произойдёт, но вдруг ощутил такое тепло на груди, будто к ней приложили грелку или тёплый шарф. Мальчик вспомнил, как прижимал к себе шерстяную колючую шапку Петруши, «Голубушку», и на душе его стало спокойнее.

Прозвенел звонок... Последний...

К набережной Стёпа мчался быстрее ветра, не останавливаясь, не теряя ни одной минуты на отдых. Так торопился, что даже не стал застёгивать куртку. «Сдержал своё слово Петруша? Ждёт? Не может быть, чтобы не ждал!.. – думал мальчик. – Петруша точно не обманет!»

Мольберт стоял на месте. Вокруг него, как группа дошколят возле воспитателя, выстроились на набережной рамы с разноцветными, яркими рисунками.

– О! Ты пришёл, радость моя! – окликнул Степана Петруша, выглянув из-за мольберта. – Как раз вовремя! Как раз вовремя! Ещё и кипяточек не успел совсем простыть, и хле-

бушек – в самый раз будет...

– Как я рад, что вы здесь! – искренне сказал Стёпа, глядя в ласковое, доброе лицо старика. – Я уж боялся, что вы не придёте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.